

УДК 327

Абрамов Сергей Михайлович

канд. пед. наук, доцент кафедры «Реклама»,
НОУВПО Гуманитарный университет;
ФГОУВПО «Уральский государственный
горный университет» (г. Екатеринбург)

Abramov Sergey Mikhailovich

Candidate of Education, Associate Professor
at Advertising Chair, Faculty of Social
Psychology, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg),
the Urals Mining University (Ekaterinburg)

**ДИПЛОМАТИЯ
КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ РЕСУРС
РЕШЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ: НА ПРИМЕРЕ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР
И США В ПЕРИОД АРАБО-
ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 ГОДА**

**DIPLOMACY
AS AN EFFECTIVE RESOURCE
FOR GEOPOLITICAL PROBLEM-
SOLVING: THE EXAMPLE
OF THE USSR AND THE USA
FOREIGN POLICY DURING
THE 1973 ARAB-ISRAELI WAR**

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты внешней политики СССР на Ближнем Востоке в период арабо-израильской войны 1973 г., в том числе ее взаимодействие с внешней политикой США. Одновременно дипломатия двух мировых держав рассматривается как востребованный и эффективный ресурс, направленный на разрешение международных проблем. Вместе с тем в работе анализируются интересы советской стороны на Ближнем Востоке и особенности политики ее дипломатических «визави» в регионе, отразившиеся на политической ситуации в мире вообще.

Ключевые слова: Советский Союз; внешняя политика; дипломатия; Соединенные Штаты Америки; Ближний Восток; Израиль; Египет; война израильтян с арабами.

Abstract

The article considers various aspects of the USSR foreign policy in the Middle East during the 1973 Arab-Israeli war including the USA foreign policy interactions. At the same time, the diplomacy of the both world Powers is regarded as a demanded and efficient resource of international problems solving. In addition the paper analyses Soviet interests in the Middle East as well as Soviet diplomatic counterparts' specific policy in the region which influenced the world political situation.

Key words: the Soviet Union; foreign policy; diplomacy; the USSR; the Middle East; Israel; Egypt; Arab-Israeli war.

После Второй мировой войны Ближний Восток стал ареной острых региональных и международных конфликтов.

В период очередной, четвертой по счету, арабо-израильской войны на Ближнем Востоке (1973 г.) перед дипломатией СССР и США стояла общая цель – не допустить такого развития событий, при котором эти государства сами оказались бы вовлеченными в военные действия по разные стороны фронта. Естественно, это событие нанесло бы очень серьезный и ощутимый ущерб взаимным отношениям, только начавшим улучшаться, и поставило бы крест на политике разрядки.

Все страны мира ждали развязки событий на Ближнем Востоке, целиком и полностью зависевших от совместных дипломатических усилий СССР и США, продолжавших играть роль гарантов стабильности в ближневосточном регионе. Дипломатической задачи такого масштаба не было, пожалуй, с конца 1940-х гг., когда от единой позиции и тесного взаимодействия СССР и США зависело образование Государства Израиль.

В войне Судного дня дипломатия вновь все больше становилась востребованным ресурсом, позволяющим преодолевать сложные геополитические проблемы. Все последующие события, связанные с арабо-израильской войной 1973 года, будут лишь подтверждать высказанную точку зрения.

Не стоит, однако, полагать, что вплоть до 19 октября (т. е. до того времени, когда египетский президент признал необходимость прекращения огня) СССР и США, как ключевые акторы мировой политики, стояли в стороне от попыток дипломатического разрешения ближневосточного конфликта, потребовавшего тесного взаимодействия Москвы и Вашингтона. Еще 6 октября американский госсекретарь Г. Киссинджер дважды по телефону связывался с советским послом в США А. Ф. Добрыниным. Во время первого разговора (еще до начала широкомасштабных боевых действий) госсекретарь просил заверить советское руководство, что США, как и СССР, заинтересованы в стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и недопущении вооруженного конфликта. Во время второго звонка Киссинджер сообщил, что боевые действия все-таки начались и развернулись по всей линии перемирия 1967 г. на Суэце и на Голанских высотах. Американский госсекретарь также передал просьбу президента США занять в Совете Безопасности ООН «сдержанную позицию». Американская сторона была намерена предложить проект резолюции, предусматривающий прекращение огня и восстановление «линии перемирия».

Ответ со стороны Москвы последовал практически незамедлительно: «Советское правительство получило сообщение о начале военных действий на Ближнем Востоке одновременно с Вами. Принимаем все возможные меры к выяснению действительного положения в этом районе, поскольку поступающие сведения носят крайне противоречивый характер... Мы обдумываем сейчас, как и Вы, возможные шаги, которые следует предпринять. В скором времени надеемся вновь связываться с Вами на предмет возможного согласования действий» [Цит. по: 3. С. 269].

Советская сторона давно знала о времени и инициаторах первого шага в арабо-израильской войне. СССР ждал реакции США, рассчитывая выстроить свои действия, ориентируясь на дипломатические шаги США, чей опыт настоящей большой политики мог возыметь определенный эффект.

6–8 октября между Москвой и Вашингтоном шел интенсивный обмен информацией. Стороны выжидали, предпочитали не торопить события, рассчитывая, что первый шаг сделает дипломатический визави. СССР уходил от идеи созыва Совета Безопасности ООН, так как, по мнению советской стороны (оно оказалось «живучим»), агрессором выступает Израиль [4].

Л. И. Брежнев писал: «На наш взгляд, было бы весьма важным, если бы со стороны Израиля последовало ясное, без всяких оговорок, заявление о его готовности уйти с оккупированных им арабских территорий, имея в виду, что одновременно гарантировалась бы безопасность Израиля, как и других стран региона. Что здесь может быть неприемлемым для Израиля?»

Советская сторона, со свойственным ей проарабским дрейфом внешней политики, таким образом отвергала возможность отхода обеих воюющих сторон на линию 1967 г. (поскольку египетские и сирийские войска уже довольно далеко продвинулись вперед) и оправдывала военные действия Египта и Сирии, считая, что они направлены на освобождение «оккупированных арабских территорий».

Ответ Р. Никсона, который был всерьез озадачен поиском выхода из ближневосточного тупика, последовал незамедлительно: «Возникший конфликт не разрушит многое из того, что с такими взаимными усилиями было достигнуто в советско-американских отношениях» [3. С. 269], значимость которых предопределялась их объективным влиянием на все сферы мировой политики.

Как видно из ответа Никсона, американская дипломатия также была осторожна в формулировках и не спешила форсировать события. Все очевидно ждали, как будут развиваться события на театре военных действий, прекрасно понимая, что успех Египта в первые дни еще ни о чем не говорит. Ожидание – только так можно охарактеризовать позицию великих держав по отношению к ближневосточному кризису в начале октября 1973 г.

Договоренность о созыве Совета Безопасности ООН была между СССР и США все же достигнута, но – без внесения на обсуждение какой-либо резолюции. Лишь 10 октября Брежнев сообщил Никсону, что не возражает против принятия Советом Безопасности ООН резолюции о прекращении огня. Советский руководитель пошел на этот шаг после консультаций министра иностранных дел СССР с руководством Сирии и Египта (через послов этих стран в Москве). Кроме того, советские военные эксперты твердо заявляли о безусловности победы Израиля в этом конфликте.

Москва – через своего посла В. М. Виноградова – убеждала Анвара Садата пойти на прекращение огня, что дало бы ему возможность удержать за собой те территории, которые удалось уже отвоевать у израильтян. Садат вплоть до 19 октября никак не мог принять какое-либо ответственное и взвешенное решение. Советский МИД учитывал колебания президента Египта и, выступая за прекращение огня, не настаивал на вопросе возвращения воюющих сторон на линию 1967 г. Садат, в свою очередь, допустил ошибку, не согласившись на немедленное прекращение огня (на чем настаивала советская сторона), поскольку через несколько дней израильские войска полностью овладели военной инициативой.

12 октября 1973 г. Киссинджер заявил, что американская сторона не будет посылать свои войска на Ближний Восток, если и советская сторона не сделает этого; а 13 октября американский госсекретарь сообщил советскому послу в США, что Садат «решительно против простой резолюции о прекращении огня» [3. С. 269]. В этих условиях Никсон не будет больше предпринимать усилий по линии Совета Безопасности ООН, но будет вынужден пересмотреть обязательство проявить сдержанность в отношении американских военных поставок Израилю и будет действовать в зависимости от фактического состояния и темпов советских военных поставок Египту. По сути дела, и в Москве это понимали, США искали себе формальное оправдание начавшимся 14 октября поставкам вооружения в Израиль (этот факт стал не чем иным, как «охранной грамотой» Израилю). Но советский МИД никак не отреагировал на заявления Киссинджера и Никсона, считая, видимо, что вопрос об американских поставках – дело, Вашингтоном давно решенное, и здесь бесполезно что-либо предпринимать.

13 октября вечером американская сторона заявила: «Белый дом по-прежнему поддерживает прекращение огня на фактически занимаемых позициях. Возможна, в крайнем случае, дополнительная ссылка в проекте резолюции на последующий вывод войск в соответствии с резолюцией 242 Совета Безопасности. На другое, а именно на ссылку на границы 1967 года, мы не пойдем, даже если это будет означать столкновение с арабами и с Советским Союзом» [3. С. 270].

В результате США открыто встали на сторону Израиля (что для последнего было очень важно, учитывая, например, позицию бывшего президента США Эйзенхауэра), понимая, что инициатива сейчас на его стороне и он лишь нуждается в международной поддержке, стремясь получить дивиденды от нападения на него Египта.

Никсон и сенатор Дж. У. Фулбрайт (один из немногих американских государственных деятелей, к которому в СССР относились с большим почтением из-за его пацифистской позиции) в доверительных разговорах с советским послом в США А. Ф. Добрыниным подтвердили необходимость убедить Садата принять

резолюцию Совета Безопасности ООН о прекращении огня и последующих переговорах с Израилем под эгидой США и СССР. Сделать это могла только советская сторона, обладавшая сильной и энергичной позицией в регионе. Киссинджер, чья логика была проста и убедительна, заверял, что США готовы полностью прекратить все поставки оружия Тель-Авиву после прекращения огня, если советская сторона поступит так же в отношении Каира.

Американское предложение отличалось рациональным прагматизмом, оно давало шанс на успешное развитие событий, но требовалось время на его обдумывание. Советский МИД в ответ просил не предпринимать пока таких шагов и не предавать их широкой огласке, что и было выполнено.

18 октября, вечером, с подачи советского посла в США Москва решила пригласить «для обсуждения всего комплекса вопросов и для совместного поиска выхода из создавшейся опасной ситуации» госсекретаря Киссинджера.

20 октября Киссинджер вылетел в Москву, его опережало послание Никсона: «Киссинджер полностью уполномочен мною вести переговоры, и обязательства, которые он может дать в ходе бесед с Вами, целиком мною поддерживаются» [3. С. 271].

Киссинджер, узнав об этой формулировке, не обрадовался, так как это сужало возможности его «челночной дипломатии» и маневрирования в переговорах путем ссылок на необходимость последующего одобрения президентом тех или иных договоренностей [9. С. 205].

Но было «поздно», советская дипломатия использовала промах американской стороны, заверяя Никсона посланием Брежнева:

«Я именно так и понимал, что господин Киссинджер, как Ваш ближайший помощник, пользующийся Вашим полным доверием, и на этот раз будет говорить от Вашего имени и что те обязательства, которые он может дать в ходе наших с ним переговоров, будут целиком поддержаны Вами» [Там же. С. 205–206].

Таким образом, советские дипломаты получили прекрасный шанс решить важнейшие вопросы в самые сжатые сроки, без согласования их Киссинджером с Никсоном, что в тех условиях политического цейтнота было очень важно, очень оперативно.

Киссинджер прилетел в Москву 20 октября, вылетел уже 22-го обратно в США, успев провести две важнейшие встречи, сначала – с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, а затем – с самим Л. И. Брежневым [5]. Результатом дипломатического мозгового штурма стала советско-американская договоренность. Она содержала предложение выступить с совместным проектом резолюции Совета Безопасности ООН, которая призывала бы к немедленному прекращению огня и выполнению резолюции № 242 от 1967 года. (Стремление предотвратить дальнейшее расширение войны с обеих сторон было так велико, что выработка взаимоприемлемого текста оказалась делом не особенно трудным.)

Государственный секретарь США не выполнил лишь одного, причем – устного, распоряжения своего президента: сообщить Брежневу, что американская сторона готова к тому, чтобы лидеры двух великих держав вмешались в решение ближневосточной проблемы с целью совместно определить соответствующий вектор действий, который привел бы к урегулированию конфликта между Израилем и Египтом. Киссинджер лишь обещал оказать давление на израильскую сторону с целью убедить последнюю прекратить огонь как можно скорее.

22 октября 1973 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 338. В тексте резолюции значилось: «Все стороны, участвующие в нынешних боевых действиях, [должны] прекратить всякий огонь, а также прекратить все военные действия немедленно, не позже чем в течение двенадцати часов с момента принятия настоящего решения, с оставлением войск на занимаемых ими сейчас позици-

ях; начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции № 242 Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года во всех ее частях».

Совет Безопасности ООН постановил: «Начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке» [12].

По утверждению советского посла в Египте Виноградова, «Киссинджер в переговорах настаивал на том, что прекращение огня должно наступить не позднее чем через 48 часов, затем, встретившись с нашей твердой позицией, снизил требование до 24 часов, затем согласился на 12 часов» [1. С. 249].

Мало кто знал, что в Москве (20–21 октября) был выработан и подписан Киссинджером и Громыко (по инициативе последнего) документ, озаглавленный «Взаимопонимания» и гласивший: «Понимается, что выражение “под соответствующей эгидой” в п. 3 резолюции Совета Безопасности [ООН] означает, что переговоры между заинтересованными сторонами будут иметь место при активном участии Соединенных Штатов и Советского Союза в начале, а затем в ходе переговоров при рассмотрении ключевых вопросов урегулирования. На протяжении всего процесса переговоров Соединенные Штаты и Советский Союз будут в любом случае поддерживать теснейший контакт друг с другом и со сторонами, ведущими переговоры» [9. С. 206]. Документ этот – большой успех советской дипломатии в деле разрешения ближневосточного конфликта, поскольку в нем подтверждалась совместная коллективная деятельность (имеется в виду, прежде всего, – эффективная) двух сверхдержав в деле разрешения ближневосточного кризиса.

После оглашения решения Совета Безопасности под № 338 советский представитель в ООН отметил, что в результате переговоров Брежнева с Киссинджером (21 октября) Советский Союз и Соединенные Штаты совместно внесли в Совет Безопасности ООН проект резолюции, направленный на прекращение военных действий и немедленное практическое выполнение резолюции Совета Безопасности о политике на Ближнем Востоке [4].

В тот же день – 22 октября – и израильтяне, и арабы заявили о готовности прекратить огонь в заранее намеченное время. Однако боестолкновения продолжались, и на театре военных действий полному разгрому мог быть подвергнут 3-й египетский корпус (израильские войска вышли к Суэцкому каналу).

По воспоминаниям Виноградова, «последовавшие за 22-м октября дни представляли собой сплошную череду взволнованных телефонных разговоров, встреч с Садатом, переписку. Уже 23 октября Садат дважды обращался ко мне по телефону с официальной просьбой о срочном “военном вмешательстве” с тем, чтобы заставить Израиль выполнить решение Совета Безопасности» [1. С. 250].

В тот же день Брежнев по линии прямой связи обратился к Никсону: «Господин президент! Израиль грубо нарушил решение Совета Безопасности о прекращении огня на Ближнем Востоке. Мы в Москве поражены, что договоренность, которая была достигнута всего лишь два дня тому назад, фактически взорвана этой акцией израильских руководителей. Почему Израилем допущено вероломство – Вам виднее. Мы видим единственную возможность исправить положение и выполнить договоренность – заставить Израиль немедленно подчиниться решению Совета Безопасности... Слишком много поставлено на карту – не только на Ближнем Востоке, но и в наших отношениях» [3. С. 272]. Нарушение системы отношений неизбежно приводило к снижению их устойчивости, разбалансированности и напряженности.

Американский президент ответил, что берет на себя всю ответственность за то, чтобы осуществить полное прекращение военных действий со стороны Израиля. «Мы с Вами достигли исторического урегулирования... – подчеркивал он, – и

мы не позволим, чтобы оно было взорвано» [Там же. С. 272]. Никсон заметил, что ответственность за факт нарушения соглашения лежит на египтянах, и просил советскую сторону оказать давление на Садата.

Весь день шли советско-американские консультации, главная цель которых заключалась в том, «чтобы добиться сближения позиций на вновь созываемом заседании Совета Безопасности ООН».

24 октября Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 339, которая подтверждала «решение о немедленном прекращении всякого огня и всех военных действий» и требовала, чтобы «войска сторон были возвращены на те позиции, которые они занимали в момент, когда прекращение огня вступило в силу...» [12].

Советские дипломаты подчеркивали: «Это была очень важная резолюция. Однако израильтяне продолжали игнорировать и эту резолюцию, их передовые части ворвались на окраины Суэца. Президент [Садат] вновь подчеркнул в разговоре по телефону со мной, что официально обращается с самой настоятельной просьбой: сегодня же ночью прислать советские войска и/или наблюдателей, с аналогичной просьбой он обращается и к Никсону» [1. С. 250].

В тот же день, когда была принята резолюция под № 339, советское руководство выступило с «предупреждением», обращенным к израильскому руководству «о самых тяжелых последствиях, которые повлечет продолжение его агрессивных действий против Сирии и Египта». А президенту Никсону было отправлено еще одно, подготовленное в советском МИДе послание: «Израиль продолжает игнорировать решения Совета Безопасности о прекращении огня, и его войска ворвались в Суэц. Тем самым он нагло бросает вызов и СССР, и США, поскольку именно на нашей с Вами договоренности зиждутся решения Совета Безопасности... Мы вносим конкретное предложение – давайте вместе, СССР и США, срочно направим в Египет советские и американские воинские контингенты для обеспечения решений Совета Безопасности... Скажу прямо, если бы Вы не сочли возможным действовать совместно с нами в этом вопросе, то мы были бы поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о принятии нами соответствующих шагов в одностороннем порядке. Допустить произвол со стороны Израиля мы не можем. У нас есть с Вами договоренность, которую мы высоко ценим, – действовать сообща. Давайте реализуем эту договоренность на конкретном примере в сложной ситуации. Это будет хороший образец наших согласованных действий в интересах мира» [3. С. 273].

Обмен посланиями между советской и американской сторонами и принятие одной за другой резолюций говорит о напряженности ситуации. Брежнев и Громыко считали, что американская сторона ведет «двойную игру»: Москве было обещано одно, а в отношении Израиля не предпринимается никаких серьезных мер (советское руководство было убеждено, что Израиль никогда не посмеет ослушаться американского президента).

Между тем нагнетал обстановку и египетский президент, считавший, что США затягивает время, а Советский Союз не решается «надавить» на Вашингтон: «Садат же проявлял все большее нетерпение, называл американцев лжецами, чувствовалось, что они, видимо, в чем-то его переиграли или “наказывали” Египет за слишком успешные боевые действия. Когда израильские войска полностью отрезали Суэц и вышли на позиции южнее этого важного города-порта, Садат вновь обратился к Советскому Союзу с просьбой о срочной присылке совместно с США воинских контингентов для обеспечения выполнения резолюций Совета Безопасности ООН, а если США вновь уклонятся, то президент [Садат] просил Советский Союз действовать отдельно» [1. С. 273].

Но последний призыв Садата к советской самостоятельности «повис в воздухе». В Москве (в МИДе и Кремле) всерьез никто не думал ни о возможных односторонних (со стороны СССР) военных операциях на арабо-израильском театре войны (что могло привести к очень серьезному конфликту с США), ни о двусторонних (СССР и США) действиях. Советская сторона рассчитывала «поднажать» на США и добиться прекращения военных действий.

Из всех советских лидеров лишь министр обороны СССР А. А. Гречко требовал «символической демонстрации присутствия» советских войск в Египте и в Сирии. Но и Брежнев, и Косыгин, и Громыко были против какой-либо вовлеченности советских вооруженных сил в конфликт. А фраза «о возможном принятии нами мер в одностороннем порядке» появилась в обращении только после настойчивости Садата во время его разговоров с Брежневым. Но эта фраза оставалась только фразой, и не более того.

Ответ Никсона на жесткие послания Брежнева был более чем спокойным:

«Я согласен с Вами, что наша договоренность действовать совместно в пользу мира имеет величайшее значение и что нам надо осуществлять эту договоренность в сложной обстановке. Должен Вам сказать, однако, что Ваше предложение в отношении специфического характера совместных действий, а именно о посылке советских и американских воинских контингентов в Египет, является неподходящим в нынешних условиях.

У нас нет информации о том, что прекращение огня сейчас существенно нарушается. При этих обстоятельствах мы должны рассматривать Ваше заявление об односторонних действиях как вызывающее серьезнейшую озабоченность и могущее вызвать непредсказуемые последствия... Я готов совместно с Вами немедленно увеличить нынешние силы по наблюдению за перемирием. Я был бы готов пойти на то, чтобы в указанные группы по наблюдению за перемирием было включено какое-то количество американского и советского персонала, однако не в виде боевых сил. Если это то, что Вы имеете в виду под контингентами, то мы можем это рассмотреть» [3. С. 275].

Однако стремление СССР вмешаться в арабо-израильский конфликт и действия советских дипломатов и военных (отличавшихся известной агрессивностью) не могли не напугать американскую администрацию. По американскому радио стали передавать сообщения со ссылкой на правительственные источники (хотя официального сообщения не было) о введении в войсках повышенной боевой готовности.

Реакция американской стороны стала неожиданной и для высших руководителей СССР. Как отмечал мемуарист, «что касается ответных шагов с советской стороны на “Дефкон III” [повышение боевой готовности], то в этом вопросе мнения разошлись. Некоторые участники заседания Политбюро высказывались за принятие таких же военных мер с советской стороны. Ю. Андропов, например, считал, что СССР должен ответить “мобилизацией на мобилизацию”».

Наиболее жесткую позицию вновь занял советский министр обороны Гречко, считавший военную силу ключевым фактором международных отношений. Он настаивал на том, чтобы ответные меры носили в основном военный характер, и рекомендовал, в частности, произвести дополнительный призыв на военную службу 50–70 тысяч человек на Украине и Северном Кавказе. Он считал, что в целях спасения Сирии необходима оккупация Голанских высот советскими войсками» [6. С. 228].

Однако советскому генералитету противостояли советские дипломаты, конструктивная политика которых может рассматриваться как своеобразный «противовес» подходу со стороны военных. Во время одной из встреч на Политбюро они

дали настоящий бой министру обороны, пройдя так называемую «проверку на прочность».

Всегда уравновешенный министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил: «Нам не следует становиться на путь направления советских войск [на Ближний Восток], что будет означать конфронтацию с Соединенными Штатами. Мы не должны разжигать огонь третьей мировой войны».

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин отметил: «Соединенные Штаты не начнут войну, и у нас нет причин, чтобы начинать ее».

Л. И. Брежнев поставил точку: «А что, если вообще не давать ответа на американскую ядерную тревогу? Никсон разнервничался, надо дать ему возможность успокоиться».

Эта замечание Брежнева и было принято за окончательное решение.

Начиная с 21 октября советские войска приводились в состояние боевой готовности. Через три дня 12 советских дивизий были готовы к отправке на Ближний Восток [13. С. 505]. В южных областях Советского Союза в боевую готовность были приведены семь авиадивизий.

Это спровоцировало серьезный политический кризис, однако прямой угрозы столкновения (как во времена Карибского кризиса 1962 года) не было. Тем более что 26 октября, ровно через сутки после объявления, было заявлено об отмене введения повышенной готовности в американских вооруженных силах: приведение американских войск на территории США и на зарубежных военных базах в полную боевую готовность тут же повлекло за собой принятие «компромиссной» резолюции в Совете Безопасности ООН (№ 340). Москва не желала конфронтации с Соединенными Штатами.

СССР, как считают современные исследователи, отступил, сохранив лицо, правда, обвинив США в «безнравственности» [10].

25 октября Совет Безопасности ООН принял третью по счету – № 340 – резолюцию, которая, наконец, реально способствовала прекращению военных действий [12]. И вновь первые роли отводились советским и американским дипломатам и политикам. Таким образом, воевали друг с другом арабы и израильтяне, а соглашение о прекращении огня для них вырабатывали советские и американские дипломаты. Однако необходимо отметить, что исход того или иного конфликта зачастую определялся именно в ходе дипломатических переговоров. Он зачастую зависел от политического решения вопроса о том, кто прав, а кто виноват. Однако такой подход, казавшийся сторонам естественным, с каждым разом будет даваться труднее, вызывая все больше сомнений хотя бы тем, что результат мог не оправдать взаимных желаний, интересов.

Было принято решение послать на Ближний Восток чрезвычайные силы ООН, в состав которых, однако, не входили бы вооруженные контингенты пяти стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В четвертой арабо-израильской войне была поставлена точка. Наставало время подводить итоги арабо-израильской войны.

Выводы советского посла в Египте В. М. Виноградова сводились к следующему:

1. Израиль убедился, что непобедимость израильской армии – это миф, Израиль может быть побит. Это должно изменить настроения правителей Израиля, если они заботятся о судьбах своего народа, его будущем. Всем ясно, что арабы уже никогда не капитулируют, на что рассчитывает Израиль. Арабы могут иметь неудачи, но они не капитулируют. Это стало ясно и Израилю.

2. Арабы осознали, что имеют силу, это дает им сейчас возможность идти на политические переговоры. Раньше для политических переговоров у них не было оправданной возможности.

3. Создалось общеарабское единство, которого не было ранее, важным показателем которого является эмбарго на поставку нефти США и его союзникам.

4. Мировое общественное мнение сейчас практически на стороне арабов, никто не обвиняет их в «агрессии» против Израиля, хотя они первыми начали широкие военные действия. Все хотят скорейшего урегулирования.

5. Нынешний характер советско-американских отношений позволяет нам, несмотря на известные разногласия, обсуждать любые вопросы и сотрудничать вместо того, чтобы противостоять друг другу [1. С. 253].

Складывается впечатление, что войну выиграли арабы, а израильтян спасло от полного разгрома вмешательство СССР и США [11. С. 328–329]. Непонятно, что понимает под «общеарабским единством» бывший советский посол в Египте: ведь ни одна из арабских стран не решилась всерьез вмешаться в войну 1973 г. (даже Иордания, которая за несколько недель до начала боевых действий вынашивала подобные планы, уже после 11 октября даже не вспоминала об этих идеях, предпочитая оказывать сирийско-египетскому блоку лишь моральную поддержку).

И мировая общественность (за исключением стран социалистического блока) считала именно арабов виновниками войны Судного дня. Конечно, все стремились как можно скорее урегулировать конфликт, но пока не удалось уговорить в необходимости прекращения пострадавшую сторону – Израиль, вопрос о мире на Ближнем Востоке не мог получить разрешения.

Вполне убедительным представляется лишь последний вывод Виноградова, который констатирует результат взаимодействия советских и американских дипломатов за время октября 1973 г.

Обобщения дипломата и публициста В. Л. Исраэляна представляются нам более взвешенными:

«Октябрьская война 1973 года продемонстрировала неготовность Советского Союза к военной конфронтации с США. С другой стороны, искать возможности создания прочного международного порядка, отбрасывая идеологические догмы о неизбежности победы социализма в мировом масштабе, в Москве тоже не были готовы. Поэтому Октябрьская война на Ближнем Востоке была характерным проявлением международных отношений в годы холодной войны как одна из ярких страниц ее истории» [6. С. 229].

По нашему мнению, советская сторона, скорее, защищала интересы своих союзников на Ближнем Востоке, чем была готова ими жертвовать ради мира (как, впрочем, и американская дипломатия). СССР изначально не мог определиться: стоит ли акцентировать внимание на дипломатических средствах или, «задвинув» дипломатию на второй план, сконцентрировать внимание на военной стороне дела. Не стоит, однако, думать, что дипломатия играла действительно второстепенную роль. Наоборот, оказалось, что большая дипломатия всем нужна, что без настоящей работы профессионалов выхода из сложившегося тупика не найти.

После военных неудач сирийско-египетского блока, продолжать конфликт пришлось дипломатам, хотя и не совсем удачно. Советская дипломатия не смогла втянуть в конфликт Ирак, Иорданию и Алжир.

Еще два вывода заслуживают нашего внимания в ракурсе исследования советской внешней политики во время арабо-израильской войны 1973 года.

Советский дипломат Г. М. Корниенко: «Разрядка выдержала испытание ближневосточным кризисом 1973 г.».

Джеймс Шлесинджер (министр обороны США): «Атмосфера разрядки никогда после этого не была полностью восстановлена» [2. С. 63].

Как видим, оценки диаметрально противоположны: американская сторона считает, что политике разрядки был нанесен непоправимый урон; советская дипломатия, наоборот, настаивает, что разрядка удачно миновала кризисную точку и

продолжала эволюционировать [8]. Думается, что в данном случае ближе к истине стоял Корниенко: разрядка не была свернута, и с помощью ее потенциала был разрешен в дальнейшем еще ряд сложнейших внешнеполитических проблем.

Первостепенное внимание советская дипломатия уделяла тому, чтобы в результате арабо-израильской войны 1973 г. не был нанесен ущерб политике разрядки между СССР и США. Несмотря на наступившее потепление отношений между двумя сверхдержавами, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки поддерживали противоборствующие стороны в ближневосточном конфликте 1973 г. Без существенной поддержки сверхдержав, прежде всего военной, ни арабские государства, ни Израиль вести длительные военные действия не были бы в состоянии. Это прекрасно понимали лидеры всех стран Ближнего Востока, так или иначе втянутых в конфликт. Вместе с тем арабские руководители начали войну наперекор официальной советской позиции, и СССР был явно раздражен этой арабской инициативой. Но и Вашингтон был неприятно удивлен начавшейся на Ближнем Востоке очередной арабо-израильской войной. Он считал последнюю «несвоевременной», поскольку она совпала с нарастанием внутривосточного кризиса в Вашингтоне, вызванным Уотергейтом и окончившимся отставкой (под угрозой импичмента) президента Никсона.

Политика СССР в направлении урегулирования конфликта осложнялась излишней идеологизацией его позиции по отношению к арабским странам. Уверовав в «социалистический путь развития» ряда арабских стран (Египта, Сирии, Йемена и др.) и пытаясь включить их в зону своего влияния, советская сторона стала стремиться выполнить невыполнимые обязательства, взятые на себя ради поддержки своих ближневосточных союзников. Заключив многочисленные договоры «о дружбе и сотрудничестве» (а значит, и военной взаимопомощи) с арабскими странами, Советский Союз стал не только главным поставщиком оружия арабским странам, но и гарантом их безопасности, что не замедлило сказаться в период войны Судного дня. Подобная ситуация не могла не отразиться на взаимоотношениях СССР и США, так как перманентная милитаризация арабских стран в регионе угрожала существованию Государства Израиль. США, чтобы поддержать своего ближневосточного союзника, были вынуждены пойти на симметричные советским меры, сделав ставку на вооружение израильской армии. Подобные действия – как со стороны СССР, так и со стороны США – не способствовали укреплению политики разрядки, а лишь порождали новые проблемы.

Подход СССР к взаимоотношениям с США в октябре 1973 г. показал, что процесс разрядки не ликвидировал опасности вовлечения держав в региональные конфликты. По сути дела, события вокруг ближневосточного конфликта стали первым серьезным испытанием советско-американских соглашений 1972 и 1973 гг. по предотвращению конфликтных ситуаций в «третьем мире» и уменьшению ядерной войны между США и СССР [7. С. 181; 2. С. 62].

Американский президент Р. Никсон оценивал события октября 1973 г. как «наиболее тяжелый кризис со времен кубинской конфронтации в 1962 году. Однако, поскольку у нас было несколько начинаний с Советским Союзом и я поддерживал связи с Брежневым, нам удалось не только избежать конфронтации, но и сделать большой шаг в направлении реального мира на Ближнем Востоке».

Узнать оценку октября 1973 г. Брежневым или Громыко не представляется возможным, но, думается, она была бы во многом близка к американской. Хотя Москва и Вашингтон добивались противоположных целей в этом регионе, они всячески противодействовали расширению войны и своему прямому вовлечению в нее. В итоге они сделали невозможное возможным – сохранили сложившийся миропорядок, стратегическую стабильность. И это было самым важным во взаимоотношениях двух стран (они продемонстрировали всему миру умение не толь-

ко проводить эгоистичную внешнюю политику, но и другое качество – осуществлять совместную дипломатию, значение которой превысило важность силового удара) и серьезным, очень серьезным успехом советской дипломатии, системные усилия которой позволили остановить военный конфликт.

События 1973 года на Ближнем Востоке показали: Советскому Союзу и США равных в большой дипломатии не было, вопреки тому, что им пришлось решать острые вопросы ближневосточного урегулирования за других, и это в условиях биполярного мира. Они стали демонстрацией опыта большой дипломатии СССР и США, ориентированной, прежде всего, не на силовое, а на мирное решение проблем. Однако все же приходится констатировать, что с кризисом политики разрядки и дипломатия двух стран последовательно вступала в нисходящую фазу своего развития со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Литература

1. Виноградов В. Дипломатия: люди и события. Из записок посла. – М. : РОССПЭН, 1998.
2. Гончар Б. М. К вопросу о роли арабо-израильского конфликта в подходах США к отношениям с СССР (70–80-е годы) // Динамика арабо-израильского конфликта : материалы научной конференции. – Н. Новгород, 1991. – С. 60–68.
3. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. – М. : Автор, 1996.
4. Кудрявцев В. Когда пренебрегают уроками // Известия. – 1973. – 18 октября.
5. Известия. – 1973. – 23 октября.
6. Израэлян В. На фронтах холодной войны: Записки советского посла. – М. : Мир, 2003.
7. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М. : Ладомир, 2002.
8. Корнилов А. А. Между войной и миром. – Н. Новгород, 1994.
9. Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
10. Олимпиев А. Роль СССР и США в войне Судного дня // Обозреватель. – 2005. – 12 октября. (Электронный вариант).
11. Смирнов А. И. Израиль в огне Джихада. – М. : Вече, 2004.
12. Резолюция Совета Безопасности ООН № 339 от 23 октября 1973 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – Разд. : Документы : Заседания Совета Безопасности и принятые на них решения. – URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/untso/resolutions.shtml>
13. Штереншис М. История Государства Израиль. – Герцлия, 2005.